

Сирийский кризис и российско-американские отношения

Вторник, 1 октября 2013
Москва

Спикеры:

Дмитрий Тренин

Директор, председатель программы «Внешняя политика и безопасность»
Московский Центр Карнеги

Алексей Малашенко

Сопредседатель программы «Религия, общество и безопасность»
Московский Центр Карнеги

Тренин. Добрый день, коллеги, дамы и господа! Я с большим удовольствием приветствую вас в Центре Карнеги на встрече, посвященной ситуации в Сирии и вокруг Сирии, перспективам в этой связи международных отношений, российско-американских отношений. Это то, что выдвинулось на первый план внешнеполитических обсуждений и в Москве, и в других столицах.

Мы решили сегодня устроить широкое обсуждение данной тематики. Это не семинар, а круглый стол. Мы с Алексеем Всеволодовичем Малашенко лишь начнем дискуссию. Я постараюсь говорить недолго, он тоже будет краток в своих ремарках. Интересно услышать ваше мнение о том, как развитие ситуации вокруг Сирии влияет на международные отношения, на положение в мире, на российско-американские отношения в том числе.

Мое личное ощущение заключается в том, что мы находимся в начале нового интересного периода мирового развития и, более узко, развития российско-американских отношений.

Что интересно? То, что эти события... Алексей Всеволодович здесь, наверное, со мной не согласится. Он человек, говорящий о многих вещах с большой перспективой и с ретроспективой одновременно... Его трудно чем-то удивить.

Малашенко. Невозможно.

Тренин. Невозможно. А вот господина Путина (и меня, кстати говоря) последние события удивили. Удивило многое. Один известный российский ньюсмейкер написал в своем «Твиттере» в конце августа, что Обама — это новый Буш, Кэмерон — это новый Блэр, Сирия — это Ирак. Настолько сильно ошибиться было просто невозможно. Тем не менее это было написано буквально за несколько дней до того, как ситуация стала разворачиваться в совершенно другом направлении. Поэтому мой первый тезис заключается в том, что мы находимся, наверное, в начале принципиально новой ситуации, как международной, так и внутри многих ключевых стран.

В Соединенных Штатах (это мой второй тезис) очевиден разрыв между сторонниками сохранения высокой международной вовлеченности, сторонниками опоры на силу при решении мировых проблем и сторонниками сокращения внешних обязательств, возвращения домой. И, как многое в Соединенных Штатах, эти два полюса довольно серьезно друг с другом конфликтуют. Как американцы могут конфликтовать, мы видим сегодня на экранах телевидения, когда страна переживает так называемый shutdown американского правительства. А впереди вопрос, который может стать гораздо более серьезным, вопрос, который может привести к дефолту финансовых обязательств правительства.

И вот то, что мы наблюдаем на внешнеполитическом фронте, — это тоже отражение разного видения, разных концепций, разных подходов, которые в значительной степени влияют на поведение правительства на международной арене уже сейчас, чего раньше не было. Раньше все-таки международные отношения, внешняя политика в значительной степени были изолированы от внутренних разногласий. Сейчас это не так.

Я вспоминаю, как примерно полтора года назад Майкл Макфол, который сидел на этом месте, сказал, что разногласия между Вашингтоном и Москвой в отношении Сирии заключаются в том, что мы по-разному оцениваем, в каком направлении будут развиваться события. «Мы, — сказал Майкл, — считаем, что Асад уйдет, будет свергнут. А российское правительство считает, что он удержится».

На мой взгляд, очень серьезный фактор нынешней сирийской ситуации заключается в иногда неверной, иногда неадекватной оценке происходящего в регионе. Не только в Сирии, но и на Ближнем и Среднем Востоке в целом. Это характерно для быстро меняющегося положения в Египте и в целом ряде других стран.

При этом очень необычно выглядят Соединенные Штаты на Ближнем Востоке, у которых я не вижу четких политических целей — в отличие от предыдущих историй, где в общем можно было сказать: вот это цели, вот это стратегия их достижения. Сейчас целей скорее нет, чем они есть. Соответственно нет того, за что ругают президента Обаму, — стратегии достижения. Нельзя достичь результатов, нельзя достичь целей... Нельзя выстроить стратегию, если не поставлены цели.

Есть очень сильное желание, которое сплачивает антагонистов внутри Соединенных Штатов, — общее желание политической элиты в любом случае избежать посылки сухопутных войск в Сирию. Это серьезный новый момент, на мой взгляд. Мы это видели в определенной степени в Ливии и видим сейчас в Сирии. Даже когда политика действующего президента подвергается очень серьезной критике со стороны оппонентов, они не предлагают кардинально новой, другой политики.

Идет, наверное, фундаментальное сокращение военного бюджета. И в целом я бы сделал вывод, что интервенционизм большого стиля, скажем, иракско-афганского, уходит в прошлое. Вероятно, он уже находится в прошлом, в том периоде, где 2003 г., где Буш, что сегодня перестало определять американскую политику. Нынешним символом применения силы за рубежом являются уже не крылатые ракеты, а беспилотные летательные аппараты. Это, на мой взгляд, принципиально новая вещь.

ВАШИНГТОН ■ МОСКВА ■ ПЕКИН ■ БЕЙРУТ ■ БРЮССЕЛЬ

ВАШИНГТОН ■ МОСКВА ■ ПЕКИН ■ БЕЙРУТ ■ БРЮССЕЛЬ

Третий пункт, который я хотел бы озвучить, — Европа фактически отсутствует как фактор военно-политической ситуации в Сирии. Ценностный подход, о котором многие говорят, не обязательно означает готовность к военному вмешательству. Решение британского Парламента, которое удивило Владимира Путина, на мой взгляд, имеет прецедентный характер, как и многие вещи, которые происходят в Великобритании. Конечно, это отзвуки 2003 г., результат деятельности комиссии, которая еще не закончила работу по Ираку и в которую входит один из наших добрых знакомых бывший посол Великобритании в Москве сэр Родерик Лайн. Это очень важное изменение британской политики, внутренней политики, которая проецируется на внешнюю, потому что впервые после 1945 г. у Соединенных Штатов не может быть автоматического партнера на международной арене в том, что касается применения военной силы. Я подчеркиваю — автоматически, что было по сути дела константой начиная с 1941 г.

Германия продолжает принципиально воздерживаться от применения силы. Во Франции силовое воздержание тоже набирает силу, хотя правительство пытается действовать или по крайней мере говорить иначе. НАТО оказывается в стороне.

И в этих условиях (это мой четвертый тезис; у меня их не так много, наверное, мы уже половину прошли) существенно возрастает роль военно-политической активности региональных игроков (конечно, об этом больше скажет Алексей Всеволодович) — и Турции, и Ирана, и Саудовской Аравии, и Катара, и движения «Хизбалла», и «аль-Каиды», и филиалов «аль-Каиды». Именно они, а не Соединенные Штаты, находятся на первом плане в Сирии. Эта активность, хотя она очень заметна, очень высока, далеко не всегда и не во всем идет в плюс тем, кто ее проявляет.

Наиболее яркий пример — Турция. То, что произошло с турецкой внешней политикой за последние три года, то, как изменилось отношение к Турции в результате, на мой взгляд, существенных ошибок и просчетов, которые были допущены турецким руководством в отношениях с арабскими странами, в частности, с Сирией, безусловно, играет существенную роль.

Фактически Сирия ведет несколько войн одновременно, в том числе войну по доверенности между суннитским и шиитским лагерями за геополитическое преобладание на Ближнем и Среднем Востоке. И опять-таки для меня важным, характерным и новым является то, что и Соединенные Штаты, и Израиль, хотя они и не находятся в стороне от того, что происходит, но явно не располагаются в центре событий. Иногда создается впечатление, что они (в частности, Соединенные Штаты) следуют за своими союзниками в регионе.

Честно говоря, меня удивило и то, что Россия впервые, неожиданно для многих, выступила не в традиционной, я бы сказал, унылой роли пассивного критика и активного спойлера американской политики. Она выступила как держава, которая осознает свою ответственность и готова ее нести. Конечно, я имею в виду инициативу по химическому оружию. Понятно, что такая деятельность ослабляет позиции интервенционистских сил, укрепляет изоляционистские тенденции в Соединенных Штатах, что, наверное, является одной из главных целей российской политики.

И еще одна, совершенно удивительная для меня и неожиданная вещь — это то, что фактически довольно глубокое сотрудничество между Соединенными Штатами и Россией происходит не в атмосфере разрядки, как было до сих пор, а даже в атмосфере нагнетания в общественном мнении противоречий, нагнетания здесь антиамериканизма, который принимает просто параноидальные формы. Я в воскресенье ужаснулся, когда посмотрел программу «Время», в которой кенийский теракт был интерпретирован как американская попытка не дать китайцам заехать в кенийскую нефть. Я понимаю — людей с разными тараканами в голове много во всех странах. Но когда на уровень основной передачи Первого канала российского телевидения выходит паранойя, которая охватила довольно широкий круг людей, это может быть опасно, потому что чревато потерей чувства реальности. Можно любить Америку, не любить ее и даже ненавидеть, но при этом нельзя упускать из вида реальность. Когда ненависть сопряжена с утратой реальности, становится страшно.

Конечно, то, что сотрудничество с Соединенными Штатами происходит на фоне углубления российско-американских противоречий, — это интересно, потому что сотрудничество идет в режиме борьбы. И это борьба за иное качество российско-американских отношений.

Когда я задаю себе вопрос, почему теперь удалось то, что не удалось весной, когда Лавров и Керри выступили со своей инициативой, поддержанной Путиным, я бы сказал, что сейчас России удалось, используя конкретную ситуацию, добиться тех правил ведения российско-американских переговоров, на которых она настаивает. То есть не Россия как помощница Соединенных Штатов по американской повестке дня, а Россия, которая действует на равных и ведет переговоры не ради того, чтобы найти формулу присоединения к деятельности Соединенных Штатов, а чтобы найти какой-то общий интерес и на нем строить более или менее равноправные отношения. Что-то здесь напоминает ситуацию времен холодной войны, безусловно.

И ситуативная вещь принесла дипломатическую победу Москве, из которой, конечно, нужно сделать трезвый вывод: сотрудничество будет продолжаться в таком же жестком ключе, но совершенно не обязательно, что тактическая победа очень скоро превратится в стратегическую, особенно в победу над Соединенными Штатами. Те, кто думает в таком направлении, наверняка будут разочарованы.

Еще два момента. Китай, как тоже показал сирийский кризис, пока не готов к выходу на мировую политическую арену за пределами Восточной Азии. На экономической арене Китай уже глобален, вездесущ. В той же Кении опять-таки. Но при этом в геополитическом, политическом и военном отношениях он по-прежнему регионален. Пекин эту слабость сознает и будет неуклонно, хотя и постепенно наращивать и усилия в военной сфере, и политические усилия для защиты все более широких интересов. Пока в Сирии Пекина мы не видели. Но это не значит, что его там не будет через 10—15—20 лет. Я думаю, мы увидим более активное китайское участие в будущем.

И последнее — итог того, что я попытался изложить. На мой взгляд, Сирия — начало нового этапа в развитии международных отношений, когда будет гораздо больше игроков, больше противоречий между игроками и, что самое интересное, больше противоречий внутри каждого из них. Если посмотреть на Британию, Францию и Соединенные Штаты прежде всего, мы увидим, насколько более интересными и менее предсказуемыми становятся международные отношения.

Так что Владимир Путин был не единственным человеком, кого эта ситуация удивила. Хотя я не привык, как и Алексей Всеволодович, чему-то удивляться, но она все-таки удивляет. Удивляет потому, что появляются новые интересные элементы. Так что мы с Алексеем Всеволодовичем с огромным удовольствием ждем дискуссии. Я сейчас предоставляю ему слово.

Малашенко. Начну с удивления. Я, например, удивился тому, что так много народу пришло, потому что о Сирии все время только и слышим, как в том советском анекдоте: можно включить утюг, и там будет про Сирию. Естественно, возникает вопрос: почему? Наверное, потому, что мы не знаем, что будет дальше. И в этом главная интрига. Точно так же, как мы все вместе взятые и здесь, и там прозевали «арабскую весну» и с большим трудом потом понимали, к чему это может прийти, да и ошибались, вот так же, как сейчас по поводу Сирии. Кто знает, чем это кончится... Даже если сегодня мы будем обмениваться мнениями, очень трудно предсказать.

Во-первых, будет удар или нет? Наверное, не будет. Но все-таки тут еще есть такое слово — «наверное». Я общался со многими коллегами, и месяца полтора назад было решено, что удар будет и эта проблема не обсуждается. Как выясняется, она обсуждается. Какие варианты? Давайте все-таки исходить из того, что пока удара не будет. Если мы будем принимать в расчет и то, и это, можно просто запутаться.

А что Башар? Он уцелеет или нет? Я никак не могу отделаться от ощущения, что он всем сильно надоел, во всяком случае, многим. И не исключаю, что он и уйдет куда-нибудь. Может быть, туда, может быть, еще куда-нибудь. Возникнет новая ситуация. Наверное, будет резня после того, как его убьют или он куда-то убежит. Согласитесь, есть над чем подумать, и к этому нужно быть готовым.

Другой вариант — он остается, Женева-2 и так далее. К чему это может привести? К созданию коалиции? Какой коалиции — с Башаром, без Башара? Кто будет в ней участвовать, если все упорно говорят, что там одни исламисты, причем от «аль-Каиды» и до «Братьев-мусульман», и уже получается, что «Братья-мусульмане» — это умеренные ребята? Может, они и умеренные, но не всегда. Как будет все потом происходить, если состоится Женева? А я думаю, пока что дорога идет туда. Как скоро и кто туда приедет, это очень интересно. Кстати, будет участвовать Иран или нет? Не исключено. Хотя месяца два тому назад это тоже было невозможно.

Идем дальше. Предположим, мы получили Женеву, дальнейшее развитие, какую-то приостановку гражданской войны. Хотя это очень сложно представить, но тем не менее. Войны стало меньше. И тогда Сирия выходит на выборы. Кто и как будет в них участвовать? Кто победит? Сколько соберут не противники Башара (понятно, что их будет больше), а сторонники, даже если не будет Башара? Какое количество сирийцев будет поддерживать, скажем так, башаровцев? Это интересный вопрос. Дмитрий Витальевич очень правильно говорил: все думали, что Башара не будет, а он жив и здоров и может дожить до этих выборов. И тогда будет потрясающий расклад сил. К чему это приведет? Наверное, надо просчитывать.

Когда мы говорим (не только мы, но и наши политики) о сногшибательном успехе России... Успех нужно либо закреплять, либо еще что-то делать. Известно, что контакты с оппозицией есть, но к чему они приведут? Если эта тенденция будет сохраняться, то России нужно играть еще более активную роль. Сумеет ли она это сделать? Пока что Москву исламистская оппозиция в разных вариантах как-то не принимает. И получается, что не они больше идут на контакты, а Москва идет, и отдача от этого несколько меньше, чем могла бы быть.

Во всяком случае, мы (все те, кто задействован в сирийском конфликте, и внешние, и внутренние факторы) сейчас находимся не в начале пути, но на каком-то перекрестке. И возникает та же проблема: куда пойдет это движение, куда его можно подтолкнуть? И кто будет подталкивать, что тоже очень важно. Дима хорошо сказал, что огромное значение будут иметь внешние акторы, особенно региональные. Как они будут работать? Позицию Катара мы примерно знаем, Саудовской Аравии — тоже. Тем не менее как они себя поведут в иной ситуации, которая может возникнуть при движении к урегулированию этого конфликта? Как их позиция будет коррелироваться и с позицией России, и с позицией США?

Я не думаю, что американцы бросят мирный процесс, если он начнется. Да, никаких войск, ничего этого быть не может. Но когда возникнет некий непонятный новый процесс, то устраняться от него — себе дороже, причем всем. Особенно России, которая сказала «А». Каким будет «Б»? Это очень интересно, потому что в конечном счете от того, как будет развиваться ситуация в Сирии и вокруг нее, зависит роль России, которую она потом станет играть на Ближнем Востоке. Если будет неудача, то это конец. Будет проиграно все. России там вообще не будет как игрока — или почти не будет. Если удастся этот позитив, эту активность расширить, во всяком случае, у России есть шансы.

Кстати, весной и летом мне приходилось разговаривать с самыми разными арабскими деятелями и моего возраста, и моложе. И удивительно, что была какая-то тоска по Советскому Союзу: как было бы неплохо, если бы вы, как в былые времена, могли что-то говорить и как-то действовать. Причем когда это было сказано в первый раз, я подумал: да, возраст такой, он все помнит. Но это была тенденция. Это было совершенно неожиданно. И я больше чем уверен, что не одному мне они это говорили, и до наших верхов это дошло.

Теперь очень коротко, не по тем пунктам, о которых говорил Дмитрий Витальевич, но где-то близко. То, что мы имеем на уровне российско-американских отношений. С одной стороны, это происходит уже в отсутствие перезагрузки. С другой стороны, иногда возникает (не у меня, но я от коллег слышал) какая-то надежда на пере-перезагрузку, даже вот так. А вдруг... Вдруг это даст какой-то новый старт? Честно говоря, я в это не верю. Если послушать то, что говорят наши политики, это совпадение чаяний — лишь эпизод. А говорят, что это только наша победа, только победа Москвы, только победа России. Мы заставили Обаму пойти, мы наказали Обаму... И такой тон очень часто можно слышать и в Думе, и где угодно. Я уж про телевидение не говорю. Это плохой, глуповатый тон. Но если все это останется эпизодом и для Ближнего Востока, и для российско-американских отношений, то ничего хорошего, по-моему, не даст.

У России есть шанс вернуться на Ближний Восток в достаточно приличном виде. Но если это будет происходить на фоне постоянно педалирования того, что мы не участники процесса, а самые главные, всех убедили, всех подавили, всех наказали, то реакция будет несколько обратной, что очень печально.

Не хочу долго говорить. Что будет после того, как в Сирии наступит какое-то урегулирование? Я не знаю, каким оно будет. Можно предполагать самые дикие вещи: от того, что там останется Башар, до того, что придет сирийский Хомейни. Это крайности, я в них не верю. Но борьба будет идти и уже идет примерно в такой амплитуде.

Как это отразится на Ближнем Востоке? Победит исламизм? Если да, это может изменить всю ситуацию. Если этого не произойдет, то кто будет у власти, как это повлияет на соседей? Мы тоже не знаем.

Единственное, что можно сказать: на всем Ближнем Востоке в чем-то произошла, а в чем-то продолжает происходить перестройка. Назовите ее как угодно: региональной, может быть, даже геополитической (хотя я это слово не люблю), но она так или иначе будет давать очень сильные отблески по всему миру.

Посмотрите, Ирака практически нет. Сейчас упорно говорят, что нет Ливии. Это очень похоже на правду. Если они вернуться к Конституции 1951 г., а Феццан и Киренаика уже практически независимы, это что такое? Юго-Запад, Северная Африка, Сахара. Там это тоже все происходит. Я просто не хочу повторять известные вещи. Но новая ситуация на Ближнем Востоке — это, в общем, новая ситуация для мировой политики.

Подобно тому, как никто не был готов, и мучительно привыкали, да еще и не привыкли к этой «арабской весне», к арабскому самовозрождению (даже так это почему-то называют, хотя там ничего не возродилось, а даже напротив)... Так вот, как относиться к этому? Есть у кого-то какая-то стратегия?

Дмитрий говорил, что американцы как бы устраняются, европейцы устраняются, Россия, наоборот, туда идет. Китайцы, по-моему, не хотят. Они экономисты, и что там будет через двадцать лет — мне лично наплевать, но вот сейчас-то, на будущий год, через два года, через три...

Так что вместо того чтобы делать какие-то выводы, я все-таки хочу еще раз сделать упор на непредсказуемость и на взаимозависимость тех ситуаций, которые мы наблюдаем по всему региону в отдельных странах. Вот это, наверное, повод, чтобы поговорить.

Тренин. Да уж, повод есть. Я сейчас собираю желающих выступить. Но вначале предоставляю слово Анатолию Леонидовичу Адамишину.

Адамишин. Мое впечатление, если говорить о перспективах, — там долго еще будет тупик. Что меня заставляет так думать? Это опыт участия в урегулировании конфликтов. Мне посчастливилось, можно сказать, заниматься этим на Юго-Западе Африки (анголонубийский узел), здесь у нас, в бывших советских республиках (Таджикистан, Карабах, Грузия, Абхазия). Мне кажется, что всерьез начинаются разговоры о мире тогда, когда наступает некое равновесие, военное равновесие, когда ни одна из сторон не может одержать верх либо одержание этого верха слишком уж затратное, слишком уж тяжелое мероприятие.

Мое впечатление — до этого еще далеко, в том числе и потому, что, как очень правильно сказал Дмитрий Витальевич, там идет несколько войн. И если вы даже сможете урегулировать одну войну, останется еще несколько.

Вместе с тем российские усилия избежать худшего — это совершенно правильная линия. Если бы еще меньше было вокруг этого крика, было бы совсем хорошо.

Тренин. Спасибо большое за эту оценку. Владимир Евсеев.

Евсеев. Я бы хотел обратить внимание на то, что уничтожение сирийского химического оружия и положение в Сирии — вещи связанные, но не однозначные. Посмотрите, какая возникает ситуация. В уничтожении сирийского химического оружия (отчасти его собираются уничтожить) роль России сохранится в обязательном порядке, потому что вывезти реально можно только на территорию Российской Федерации, где есть два объекта. Один — Щучье, он находится в Курганской области, там можно уничтожать зарин и остальные нервно-паралитические газы. Второй — Горный в Саратовской области — по уничтожению иприта и подобных химических веществ.

С этой точки зрения роль России в уничтожении химического оружия просто невозможно переоценить. Имеются проблемы прохождения, например, черноморских проливов, проблемы вывоза и так далее, но то, что будут вывозить, реально уничтожить придется, по-видимому, на территории России. Поэтому у нашей страны есть возможности сохранить и усилить свой авторитет в этом отношении.

Если же говорить о том, насколько Россия может реально влиять на ситуацию внутри Сирии, то я во многом согласен с тем, что сказал Алексей Всеволодович.

Ввиду того, что времени очень мало, мне бы хотелось ограничиться рассмотрением только одного регионального игрока — Ирана. И здесь тоже получается очень интересная связка. Ведь на самом деле Хасан Рухани появился тогда, когда возник прогресс по Сирии. Он от этого получил определенные дивиденды. Можно говорить об историчности встречи госсекретаря США с нашим министром иностранных дел, об историчности телефонного звонка, о том, что Рухани в Тегеране встретили яйцами и ботинками, но тем не менее. Ведь если будет серьезный прогресс по Ирану, это тоже повлияет на ситуацию в Сирии совершенно однозначно, потому что Иран — одна из основных опор нынешней власти в Дамаске. И я думаю, что косвенное влияние однозначно будет. Но насколько это влияние может быть... Понятно, что есть Али Хаменеи, есть интересы, которые связаны с тем, что Сирия представляет собой «золотое звено в цепи борьбы с Израилем» и так далее.

Мне кажется, здесь возможна очень большая динамика, поскольку если Иран пойдет на существенное улучшение отношений с Западом, как того хочет Рухани, если опять же (я рассуждаю гипотетически) Иран выйдет на реализацию трех этапов, завершением которых будет возврат досье из Совета Безопасности ООН в МАГАТЭ, Иран будет очень заинтересован в том, чтобы не создавать себе дополнительных проблем с Западом из-за Сирии. И мы получим ситуацию, несколько отличную от той, которую сейчас наблюдаем.

Если же говорить о других игроках, хочу заметить, что Катар существенно уменьшил свои амбиции. Поэтому даже при сохранении финансирования, по-видимому, он бы тоже хотел, чтобы этот процесс стал в некоторой форме нормализоваться. Совершенно непонятна внутренняя ситуация в Саудовской Аравии. Можно сказать подобное и по поводу Турции.

Получается, что имеется некоторая усталость внешних игроков от этого конфликта. Иран потратил 17 млрд долл. Может быть, эта цифра неправильная, может быть, 10 млрд долл., но для Ирана это приличные суммы. Иран тоже устал от финансирования этого конфликта. Другие игроки также хотели бы некоторой стабилизации. Это создает возможности известного прогресса для Женева-2. Такова моя личная оценка.

Думаю, что, по-видимому, у нас есть некоторый позитивный бэкграунд. Насколько удастся его реализовать, я не очень понимаю. Вижу на этом пути очень много препятствий. Тем не менее считаю, что этот бэкграунд очень важен.

И последнее. Хотел бы полностью поддержать Дмитрия Витальевича. Я считаю, что мы действительно имеем уникальную возможность улучшить российско-американские отношения. Ее надо использовать сейчас. Другого случая может просто не представиться. У нас есть Афганистан, есть Сирия, есть разные места. Но сейчас ее нужно использовать. А для этого, наверное, надо уменьшить обороты антиамериканизма, который действительно очень силен.

Тренин. Я хотел бы, в свою очередь, поддержать Владимира Евсеева. Мне кажется, что он сказал ключевую вещь. Сотрудничество, которое реализуется в условиях достаточно жесткой борьбы, — тем не менее реальный путь к выводу отношений на более высокий уровень, но только в том случае, если российская политика (здесь я совершенно согласен с Алексеем Всеволодовичем) будет удерживаться на том высоком уровне, который сейчас заявлен. Необходима инициативная политика, в которую так или иначе придется инвестировать. О том, насколько серьезными и потенциально противоречивыми могут быть эти инвестиции, рассказал опять-таки Владимир Евсеев, говоря о возможностях ликвидации химического оружия.

Если говорить об Иране... Опять-таки очень интересно, что телевидение не столько информирует о том, что происходит в мире, сколько о том, как руководство Российской Федерации воспринимает то, что происходит в мире. Это довольно интересное зеркало Кремля. И вот зеркало Кремля мне сказал не так давно, по-моему, на этой неделе, что американо-иранское сближение не обязательно позитивно. Надо посмотреть, насколько это будет двусторонний диалог, насколько туда будут включены шестисторонние наработки, и так далее. Конечно, безусловно, ревность есть. Но можно педалировать эту ревность, а можно действовать таким образом, чтобы иранская ядерная проблема, которая еще недавно была и до сих пор остается одной из наиболее опасных для международного мира и безопасности, и пути ее решения с помощью применения силы рассматривались в более конструктивном ключе.

Кстати говоря, многие критиковали и продолжают критиковать президента Обаму за его ближневосточную политику, отсутствие стратегии и так далее. Но если ему удастся закрепить и что-то выстроить по Сирии на основе недавних договоренностей с Россией, удастся использовать ту ситуацию, о которой говорил Владимир Евсеев, в ирано-американских отношениях, он может реально заслужить ту нобелевскую премию мира, которая была дана ему, я бы сказал, на вырост.

Кузин. Евгений Кузин, инвестиционный банкир, Москва. Я впервые выступаю в Центре Карнеги. Спасибо за приглашение. Хотел бы уточнить такое мнение. У России мало друзей на Ближнем Востоке. Мне кажется, что режим Асада является там единственным пророссийским режимом. И для России очень важно закрепиться в ближневосточном урегулировании именно с помощью режима Сирии.

Америка позиционирует себя как геополитического игрока, и тенденция к монополярному миру вызывает у России серьезную озабоченность. И у Китая, безусловно, тоже. Но если можно предположить, что у России есть друзья, например, в Европе, в Африке, в Юго-Восточной Азии, то на Ближнем Востоке Асад — единственный глава страны, лояльный к Путину. Поскольку Асад является фигурой, очень раздражающей Запад, и западные страны всячески его третируют, нужно понимать, что он не удержится у власти, потому что политику просто невозможно удержаться у власти, когда весь западный мир восстает против него. С другой стороны, если Женева-2 состоится и будет выработано какое-то приемлемое для обеих сторон решение с участием России и США, то в результате возникнет какой-то консенсус.

Но развивающаяся на Ближнем Востоке «арабская весна», которую, к счастью, России удалось приостановить в Египте и в Сирии, покажет, что будет в дальнейшем с исламскими государствами. Ислам очень сильно влияет на мировую политику. Это тенденция последнего времени — исламская цивилизация наступает на Европу и в политическом, и в культурном отношении. Толерантность, которая пропагандируется в Европе как норма жизни, допустима для европейской цивилизации, но недопустима для инородного вторжения в Европу. И если Европа допускает толерантность, она уже теряет собственную самобытность. Толерантность уже угрожает ее существованию.

Тренин. Ирина Кобринская.

Кобринская. Прошу прощения, я опоздала. Я пришла не к пятому пункту, а ко второму, где говорилось об отсутствии стратегии. Может быть, это был первый пункт.

У меня вопрос. Если можно, чуть подробнее о внутривосточной логике поведения Обамы. Почему была эта речь, почему был перекинут Капитолий, о принятии этого решения и так далее.

С моей точки зрения (это маленький комментарий), так же, как и у нас, как и в Британии и Германии, эти внутривластные вещи, это разделенное правление — очень важный фактор. Если можно, комментарий.

Тренин. Я не специалист по американской внешней политике. Здесь есть люди, которые гораздо лучше и глубже знают предмет. Могу сказать, как это видится мне. Для Соединенных Штатов, как и для любой страны, внутренние проблемы важнее всего. Для нас как для общества сегодня важнее всего не Сирия и не наводнение на Дальнем Востоке, а пенсионная реформа.

Реплика. И Навальный.

Тренин. Да, конечно. И для президента Обамы, как я понимаю, в преддверии того, что произошло этой ночью, и того, что может произойти еще через семнадцать ночей, наиболее важным было сохранение динамики... Скажу точнее. Для него важнее всего было и остается сделать *ObamaCare* нормой жизни. Для достижения этой цели ему необходимо было, поскольку Палата представителей находится в руках другой партии или, скажем, большинство принадлежит другой партии, ему очень важно было внести определенную смуту, разброд в ряды республиканцев. Он искал, как я понимаю, мосты, с одной стороны, к тем республиканцам, которые могли бы поддержать его программу медицинского страхования. Например, к Маккейну и некоторым другим. Кроме того, ему нужно было немножечко расколоть изнутри Республиканскую партию.

Думаю, он отчасти пошел (повторяю, я не специалист, это то, как мне отсюда видится) на этот удивительный и беспрецедентный для послевоенного периода шаг — передачу хоть и консультативного в принципе, но все-таки очень авторитетного решения этой проблемы на рассмотрение Конгресса. Я думаю, он руководствовался прежде всего такой внутренней логикой.

Для него Сирия не является важнейшей проблемой. Он это доказывает постоянно. Она ему мешает на самом деле. Ему мешает критика, очень часто неконструктивная, и так далее. Как я понимаю, Белый дом в наибольшей степени сконцентрирован на американской проблематике, на политике, если угодно. Даже не столько на экономике, сколько на внутренней политике Соединенных Штатов. И вот этот шаг, наверное, должен был помочь ему достичь тех результатов, о которых мы сегодня говорим.

Наверняка в зале есть люди, которые могут профессионально это оценить. Если у них есть желание, пожалуйста.

Кулаков. Кулаков Олег Вячеславович, Военный университет. Поскольку я не являюсь специалистом по региону и по арабскому Востоку, хочу тоже просто обозначить проблематику, которая присутствует, и какие-то схемы, которые уже работали в других регионах и могут работать в данном случае.

Если посмотреть на ситуацию с чисто военной точки зрения, то обнажается ряд проблем для всех противостоящих сторон. Перед теми, кто руководит достаточно колоритным составом оппозиции, стоит большая проблема — в этот период удерживать свои подразделения, которые там присутствуют, в рамках соответствующего уровня боевой готовности. Все они имеют опыт ведения боевых действий в партизанских условиях, в условиях же классических боевых действий такого опыта у них нет. И в этом случае выигрывает, конечно, Асад. Было желание развернуть ситуацию в сторону более партизанских действий. Не получилось. И сейчас, когда наступила передышка, преимущество у Асада. Удерживать всю эту структуру — большая проблема для тех, кто руководит оппозиционными формированиями.

В этой же связи есть проблема и для американцев. Все время сохранять свой контингент на уровне высокой боевой готовности тоже не представляется возможным. И это сочетание — чтобы и те подразделения были готовы с военной точки зрения, и чтобы весь американский контингент был готов — тоже такой одномоментный элемент. Когда сочетаемость есть, начинается весь военный процесс.

Мы стали свидетелями того, как этот момент уже прошел. Сейчас нужно либо заново все готовить, либо дать команду на сворачивание потенциала. Содержать такой большой контингент в Средиземном море — достаточно дорогое удовольствие, это проблема для тех, кто его там содержит.

Что касается военного присутствия России и других государств... Я всегда на эту тему шучу: присутствие российских кораблей мне оптимизма не внушает, поскольку Средиземное море, по-моему, единственное, где наши корабли еще не тонули — без всякой помощи, сами по себе. Поскольку они там присутствуют и еще никто не пострадал, это уже большой успех для российского Военно-морского флота.

Тренин. Это говорит сухопутчик.

Кулаков. Я служил в морской пехоте, поэтому мне легче об этом говорить. Присутствие флота России и других стран сыграло вот какую роль. Если бы его там не было, может быть, сторона оппозиции пошла бы на какие-то решительные действия с внешней помощью. Но так как он там был, вынуждены были повысить уровень или объем тех, кто должен туда вмешаться. Как раз именно это остановило и американцев, поскольку они побоялись непропорционального применения силы в регионе.

Но проблема остается. Почему? Насколько долго такая схема (арабисты должны на это ответить) может там сохраняться? Я это говорю, опираясь на свой опыт в другом регионе. Когда советские войска вышли из Афганистана, по признанию бывшего начальника военной разведки Пакистана генерала Асада Дуррани, ему с колоссальным трудом удавалось формировать подразделения бывших моджахедов, чтобы направить их на Кабул. Они не хотели этого делать. И в конечном итоге все-таки пришлось ввести пакистанские подразделения. С такой же ситуацией сейчас может столкнуться и оппозиция в Сирии.

По поводу иранского фактора. Рухани будет сейчас испытывать колоссальную оппозицию из-за своих контактов с США. И с высокой степенью вероятности можно предположить, что он какое-то время будет немножко отыгрывать. Кроме того, положение президента в Исламской Республике Иран таково, что он должен быть в русле главного направления. А стратегически Иран, на мой взгляд, от этого направления не только не отказывается, а собирается его наращивать. Если Рухани вдруг захочет каким-то образом притормозить, это будет означать конец его карьеры.

И последнее. Я целиком поддерживаю Анатолия Леонидовича Адамишина. Потенциал конфликтности сегодня на очень высоком уровне. И тенденции к тому, чтобы его снизить, пока нет, потому что для заинтересованных сторон не решен основной вопрос. Есть мотивированные игроки, которые пока имеют желание этот потенциал еще и подкармливать.

Малашенко. Олег, я хотел бы сделать очень короткое замечание. Понимаешь, сейчас ведь может действительно начаться размывание оппозиции. Оно уже идет и пока идет по нарастающей. Это может привести к эксцессам. Тот, кто послабее, будет устраивать черт знает что, причем не только против Башара, но и против своих бывших союзников. Это надо учитывать.

Кулаков. Как раз это я имел в виду.

Малашенко. Оно уже началось?

Кулаков. Да. Вот это как раз должны разложить арабисты, специалисты.

Тренин. Александр Белкин, Совет по внешней и оборонной политике.

Белкин. Я совершенно не специалист, поэтому мне легко задавать вопросы. Я глубоко интересуюсь. Как говорил булгаковский персонаж, меня терзают смутные сомнения. Первый вопрос к одному докладчику, второй к другому. Первый вопрос: с чего вдруг мы решили, что у нас позиция спойлера сменилась на что-либо другое? Просто мы вовремя подсуетились с этой статьей. Вернее, не мы. Понятно, кто, да? Я не вижу никаких признаков: внутренней мотивации, или изменения домашней политической ситуации, или изменения внутреннего курса, — того, что вдруг вызвало бы у нас... Только что приводились примеры того, чем занимается наше телевидение. Вдруг погасла бы или пошла бы на убыль волна антиамериканизма как в СМИ, так и в обществе, как эхо. Не выдаем ли мы желаемое за действительное, сами себя не обманываем?

Тренин. Хороший вопрос.

Белкин. От этого зависит вся перспектива.

Тренин. Конечно, безусловно.

Белкин. Теперь вопрос к Алексею, вопрос, который даже больше меня волнует. Как правильно оценить? У меня двойственная оценка. Сирия для всех — как шило в одном месте. Это такая легковесная оценка. А полновесная — как Сербия в 1914 г. Может, мои ощущение и оценка неправильные. Но если этот запал, который горит, не погасить, не полыхнет ли там то, что век назад полыхнуло в Европе? Вот вопросы дилетанта.

Малашенко. Что ты имеешь в виду, что полыхнуло в Европе?

Белкин. Война. Я потому и спрашиваю. Сирия — это просто раздражитель или же реальная опасность чего-то большего? Иначе чем объяснить концентрацию всех интересов вокруг этого? Просто как отдельный исторический казус? Либо что-то более серьезное?

Тренин. Алексей Всеволодович, хотите — сами начинайте, хотите — я начну.

Малашенко. Давай уж ты начни — к тебе был первый вопрос.

Тренин. Хорошо. Почему всерьез? Это действительно очень важный вопрос. Он меня тоже, естественно, мучил. И вот до чего домучил. Во-первых, если идти в противоположном направлении, на обострение, то можно было бы (это очень легко, это ничего бы не стоило) ничего не делать. Я думаю, что если бы Путин не предложил Обаме в Петербурге химическое разоружение Сирии, удар бы последовал. У меня не было в этом смысле никаких сомнений после того, как замахнулся Керри. Там британский Парламент несколько замутил воду, чуть-чуть, но сомнений не было.

Второе. Обама, конечно, не пошел бы навстречу, если бы у Путина не было конкретного предложения. Очевидно, Керри никогда бы не сказал тех слов, которые он сказал в Лондоне, якобы (но это было шито белыми нитками), если бы там не началась работа. Рояль в кустах в виде сирийского министра иностранных дел никогда бы не приехал на берега Москвы-реки, если бы... И так далее.

Это означает, что Россия инвестирует в процесс не только инициативы, которые раньше в большом количестве выдвигал Советский Союз, но исключительно в пропагандистских целях. Россия выдвигает инициативу, которую придется реализовывать самой, о чем сказал Владимир Евсеев. Понятно, что мы говорим: вот предложение, которое предотвратит удар. Но мы должны понимать — всю эту дрянь нам придется, возможно, ввозить на территорию любимой Родины. И нам большое спасибо никто не скажет. А можем пострадать мы сами.

Если исходить из противоположного внешнеполитического вектора, можно было бы сказать: замечательно, пусть они бьют. Если они туда глубже завязнут... Ясно, что одним ударом не обойдется. Придется бомбить еще, и еще, и еще, влезать туда серьезно. Это означало бы (опять-таки это перекликается со вторым вопросом Александра Белкина), что там на каком-то этапе мог бы подтянуться и Иран. И там началась бы более серьезная, уже немного похожая на 1914 г. штука.

Я уверен, что в столице нашей Родины есть люди, которые считают, что такой сценарий развития международной обстановки наикратчайшим путем приведет Соединенные Штаты к концу их империализма, и это для России хорошо. И можно было бы ничего не делать и играть в пользу этого сценария. Но было принято другое решение.

Для меня также очень показательным было то, что глава российского государства лично включился в процесс. Легко было бы оставить это на уровне министра иностранных дел, а в случае вполне вероятной неудачи свалить все на американцев, на оппозицию, на «аль-Каиду», которая, как все мы знаем, «находится в союзе с американцами». Правильно ведь? Все это можно было сделать.

Вместо этого глава государства начинает лично участвовать в процессе. Причем глава государства, который при этом проглатывает... То, что Путин услышал от Обамы публично... Наверное, у него руки чесались или язык чесался. Некоторые коллеги предполагали, что в Петербурге будет Мюнхен, только похлеще. Этого не произошло. Мы услышали совершенно другие публичные слова от Путина в отношении Обамы.

Реплика. Мюнхен 2007-го, не 1938-го.

Тренин. Да, 2007-го, конечно.

Малашенко. Хорошее замечание.

Тренин. У нас тут много реминисценций. Это верно. И то, что он в это дело включился — это серьезно.

Следующий момент — посылка не только инспекторов, но и, возможно, посылка войск. Знаете, после того, как в 2003 г. войска из всех миротворческих операций были стянуты на территорию Российской Федерации, это уже серьезное изменение политики.

Причем мы все понимаем, что одно дело — послать туда корабли, в которые стрелять скорее всего никто не будет. Единственное, как сказал Олег Вячеславович, с ними самими что-то может произойти. А вот когда вы посылаете туда войска, где по ним, вполне вероятно, может быть открыт огонь, это серьезный риск. Думаю, что Путин включился в игру.

В чем смысл игры, как я ее представляю? Игра большая. Вложено уже много. Вкладывать еще очень много. Я понимаю так, что это не про Сирию вообще. Это про то, как будут складываться отношения с Америкой. Здесь задачей-минимум для Путина было отратить всеми средствами, включая практически всех серьезных наблюдателей, этот удар. Это серьезная вещь, конечно. Если бы удар был Обамой нанесен (пусть против его внутреннего желания), это изменило бы то, что Путину представляется хорошей, правильной динамикой постепенного американского отхода на свои исторические позиции. А здесь пришлось бы идти вспять по отношению к этому движению. Кто знает, это могло бы переменить тенденцию в неблагоприятном для России направлении. Это первое.

Второе — укрепить нарождающийся американский неизоляционизм, чтобы Америка вообще особенно перестала заниматься интервенциями во всем мире и обратилась бы на себя. Это изменение серьезного плана.

И третье, что здесь очень важно. Есть еще многое, но остановлюсь только на третьем. Это создавало бы принципиально иную основу для российско-американских отношений. Здесь уже не американская повестка дня, в рамках которой России предлагается поучаствовать и за это получить комиссионные. Скажем, поучаствуете в смене политического режима в Сирии — получаете то, что сирийская армия по-прежнему будет закупать ваше оружие, Тартус за вами останется, что-то еще. В общем, свои комиссионные вы получите, но этого вы должны убрать.

Сейчас другая ситуация, ситуация переговорного плана. А это с точки зрения Путина принципиально важно, как я понимаю. Ушаков сказал летом: «Проблема наших отношений с Америкой в том, что они не равноправные». Путин хочет решить невозможную задачу, еще никем не то что не решенную, а даже не поставленную. Он хочет добиться равноправных отношений при явном, колоссальном неравенстве сил. И вот ради чего, наверное, все это делается. У Алексея Всеволодовича может быть другая точка зрения.

Реплика. Во имя предотвращения режима-change как такового.

Тренин. Это все-таки проблема тараканов в голове. Успешный режим-change — внутренний фактор на 99%. Мы все живем в глобальном мире, можем пользоваться глобальными технологиями смены правительств при помощи улицы. Но то, что в головах наших государственных политтехнологов и политстратегов сидит, — это все Америка, которая там что-то... — чушь, на мой взгляд, полнейшая. Думаю, не в этом дело.

Малашенко. Хочу успокоить. Ни первой, ни второй, ни третьей, ни четвертой мировой войны не будет, хотя некоторым очень хочется поговорить на эту тему там, наверху. Это первое.

Второе. Будет несколько войн. Вот они будут наверняка. Причем они будут локальные, взаимосвязанные. Вмешательство в эти войны очень проблематично, потому что совершенно непонятно, кто на чьей стороне станет воевать. Кроме того, тот, кто будет вмешиваться в эти войны, рикошетом получит по шее за счет миграции, за счет боевиков и так далее. Так что лезть в это никто не захочет. Даже Катар. Одно дело — там у себя сидеть, а другое — почувствовать это на собственной шее. Исламисты бывают разные: одни деньги платят, а другие бегают с «калашниковым». Поэтому рисковать даже Турция не станет.

Все будет какое-то непонятное, замкнутый бурлящий котел. И важно, чтобы оттуда не было выбросов. Это никому не нужно, кроме исламистов. Сама логика радикальных исламистов будет их затягивать в эту воронку, тем более что был шанс прийти к власти. Обратите внимание, вот сейчас мы разговариваем, и никто не упомянул ближневосточные конфликты. Непонятная ситуация: всё рядом, большая война, а на Ближнем Востоке, у тех же палестинцев, — какая-то пауза. Это лишний раз доказывает, что мелкие конфликты будут зациклены на себе, но исламисты станут им придавать более широкий оттенок.

Так что еще раз могу повторить: большой войны не будет. А мелкий сумасшедший дом, относительно мелкий... По-моему, это только-только начинается.

Тренин. Роберт Пшель, представляющий НАТО в этом городе.

Пшель. Информационное бюро НАТО. Если НАТО, то, конечно, я согласен с оценкой. НАТО стоит сбоку. Хотя наша политическая точка зрения, я думаю, всем понятна. Мы очень жестко оцениваем деятельность режима Асада. А стоим сбоку, потому что таково желание и всех стран НАТО, и международных обществ.

У меня вопрос. Сегодня тема — сирийский кризис и российско-американские отношения. Здесь уже было очень много интересных оценок, как мы пришли к этому пункту. Я хотел бы попросить сделать хотя бы какую-то попытку посмотреть, что может быть дальше. Дима, я не до конца с тобой согласен, что роль региональных акторов растет. Это крупная роль, конечно. Но если смотреть на кризис с точки зрения того, кто может его решить, может найти выходы... Боюсь, не совсем надежно думать, что региональные акторы что-то решат. Относительно динамики, которая возникла с последней инициативой, можно говорить о крупнейшей роли США и России.

Теперь вопрос. Я не знаю китайского, но все говорят, что слово «кризис» в китайском включает «возможность», «opportunity». Если это так, то какие возможности, хотя бы среднесрочные, вы, Алексей, видите? Сирийский кризис — российско-американские отношения, и российско-американские отношения — сирийский кризис. Мы сегодня здесь говорим об этом, а через несколько недель может быть другая обстановка. А тема, по-моему, очень важная, самостоятельная, как бы ни был важен сам кризис.

Тренин. Спасибо, Роберт. Алексей?..

Малашенко. Нет, ты начни, потому что это все-таки больше к тебе.

Тренин. Ладно. Я начну, а Алексей продолжит. Нынешний мэр Чикаго, который начинал в свое время у Обамы в первой администрации, Рам Эмануэль, сказал замечательную вещь, правда, в отношении финансового кризиса, который разразился ровно пять лет назад. Он сказал: «Never waste a good crisis». И это было правдой в отношении того кризиса, это правда и в отношении этого... Хотя сегодня льется кровь, и язык не очень поворачивается говорить такие вещи. Но в принципе — да, кризис привел к тому, что Соединенные Штаты и Россия по разным причинам сблизилась... Мы говорили о моей версии причин, которые Путина подтолкнули к этому. Конечно, есть и причины, которые подтолкнули Обаму к такому, а не к военному решению этой проблемы.

И сейчас обе стороны заинтересованы в том, чтобы из этого вышло что-то позитивное, иначе будут серьезные потери и для американской, и для российской политики, и для обоих президентов. Думаю, они не хотят нести эти потери и вынуждены двигаться вперед.

Я бы сказал, что само по себе такое практическое сотрудничество может придать новое качество российско-американским отношениями. О чем говорить? С точки зрения многих в Соединенных Штатах Россия практически не присутствовала на международной арене как серьезный партнер. Сейчас она не то что серьезный, а, как сказал Роберт, фактически единственный серьезный партнер, с которым можно попытаться решить сирийскую проблему. Не партнер, который поддержит твою позицию, а партнер, с которым можно совместно попытаться решить проблему.

Я думаю, что из этого сотрудничества может возникнуть новое качество отношений. Оно потребует от России одного: быть готовой... Во-первых, иметь ресурсы, которые потребуются. Внешняя политика затратна. Вы там скорее потеряете, чем что-то выиграете в конкретном отношении. Поэтому что Россия будет готова вложить в эту политику, то она, вполне возможно, и получит на выходе. Это требует иного качества и дипломатии, и деятельности между различными ведомствами, которым придется заниматься сирийской проблематикой.

В общем, мы сейчас фактически находимся в начале колоссального и беспрецедентного эксперимента: химическое разоружение страны в условиях гражданской войны. В принципе это сделать можно. Можно ли это сделать на практике, мы увидим. Поэтому если здесь будет поражение, то совместное поражение. Конечно, каждая из сторон обвинит другую, как они обычно делают. И это не будет катастрофой ни для России, ни для Америки, ни для президентов. Но стимул все-таки есть работать в этом направлении.

Второе. Я думаю (и здесь об этом говорилось), химическую проблему нельзя решить в полном отрыве от политической и военно-политической обстановки в Сирии. Так что придется договариваться о прекращении огня хотя бы в тех местах, где находится химическое оружие. Женева-2 — дата объявлена. Не дата, а хотя бы примерное время. Уже не в первый раз. Но здесь проблема гораздо более сложная, чем химическое оружие, поскольку что-то надо делать с той частью воюющих против Асада людей, которых никто ни в Америке, ни в Европе, ни в России не хотел бы видеть частью сирийского правительства. Это серьезный вопрос. Он тоже так или иначе должен решаться, в том числе американцами и россиянами.

Это тоже подводит к общей позиции, уже не по отношению к химическому оружию. Ясно, что химического оружия не должно быть, но реализовать это очень тяжело. А вот относительно того, как вести дела с исламскими экстремистами, могут быть более серьезные различия, чем в отношении химического оружия. Но придется что-то делать, потому что без этого все рассыпается...

Я думаю, что здесь может быть позитивная динамика. Чем больше мы платим, чем больше вкладываемся, тем больше у нас интерес, чтобы эти вещи принесли в конце концов какой-то результат. Россия хотела стать равной Соединенным Штатам. Становитесь! Но надо вложиться. Примерно так же, как Америка вложится. Не в весь мир, а только в Сирию. Но примерно столько, сколько Америка. Если этого не будет, значит, Россия не станет равноправным партнером. Вы хотите равноправия? Платите. Это же замечательно. Люди становятся независимыми тогда, когда они могут за себя платить. Это правильно. И здесь то же самое. Хотите быть во внешней политике на уровне Соединенных Штатов — платите на этом уровне, хотя бы вот в такой узкой сфере. Это будет стимулировать? Будет.

Что касается шабашей по телевидению, я думаю, что достаточно одного слова, чтобы вся эта вольница прекратилась. Это же несложно. Люди заигрались, наверное. Я не знаю. Так бывает. Азарт приходит. Они, может быть, так и не думают. Но интересно. А почему бы не связать Китай и бойню в shopping mall, если это пахнет антиамериканизмом?

Так что я бы сказал так, Роберт. Это все было бы очень хорошо, если бы было так на самом деле. Посмотрим, что будет в реальности. То, что Путин хочет такого престижа для страны, которая, не будучи равной, на равных общается с Соединенными Штатами... Пока американцы не готовы признать такой статус. Но если Россия сможет себя показать, то деваться будет некуда и незачем. Тогда с ней станут общаться так, как она того заслуживает.

Я бы сказал другое. Если бы ОДКБ была организацией, с которой НАТО хотело бы сотрудничать, нужно было бы, чтобы иначе, как через ОДКБ, не получалось бы, и не было бы никаких проблем. Другое дело, что в такой ситуации сумма оказывается меньше слагаемых. А тогда какой смысл?

Так что это все толкает Россию вверх. Насколько высоко она сможет подняться, мы увидим в ближайшие недели, месяцы, может быть, годы. Посмотрим.

Малашенко. Собственно, ты уже почти все сказал. Единственное — я не всегда понимаю, даже в твоей формулировке: «Вложиться в Сирию». Про химическое оружие Володя очень правильно сказал. Сирия же это не просто кусок земли. Там нужно в кого-то конкретно вкладываться. И вот это, наверное, самое интересное, самое интригующее. С одной стороны, там наш приятель Башар, есть оппозиция. В общем, много проблем. Нужно научиться в это вкладывать. Как это все будет, я пока не знаю.

И потом, конечно, нужно определиться, чего мы, собственно, хотим. У меня такое ощущение, что все наши политики пока избегают четкого, внятного ответа на этот вопрос. Конечно, всем бы очень хотелось (но это вслух не говорится), чтобы остался Башар Асад. Но это, наверное, невозможно. Если бы он остался — да. Но это не получится.

Во всяком случае, ситуация, которая сейчас возникла, чуть-чуть напоминает мне то, что было еще в советские времена, когда Хрущев говорил, что если мы объединимся с Америкой, то нам достаточно погрозить общим пальцем, и все будет хорошо.

Я даже не знаю, как относиться в нынешней обстановке к этому высказыванию. По крайней мере, то, что Башару, или оппозиции, или всем сразу погрозили... Согласитесь, на сегодня все-таки ситуация намного лучше, чем еще две или три недели назад. То есть имеется какой-то потенциал для сотрудничества, несмотря на наше любимое российское телевидение. Я думаю, что в будущем это сотрудничество может ох как понадобиться. Я уж не говорю про Афганистан. У нас очень много мест, где могут возникнуть самые дикие ситуации. Если мы в этих местах будем цапаться друг с другом, то в конечном счете и Америка, и мы проиграем там.

Тавровский. Юрий Тавровский, независимый аналитик. Я хотел бы несколько слов сказать о Китае. Коллега Тренин говорит, что Путин играет с американцами в разных весовых категориях. Но ведь надо учитывать, что за Путиным еще стоит Китай со своим очень серьезным весом. В сирийском кризисе мы очень сильно полагались на Китай. Вообще в последнее время с ближневосточными делами мы очень хорошо координируемся с китайцами. Иногда вместе проигрываем, как проиграли в Ливии. Я думаю, что китайские внешнеполитические стратеги списали этот неуспех на то, что они ориентировались на Москву, которая заняла слабую позицию, медведевскую.

А сейчас они справедливо пожинают лавры успеха, потому что стояли за нами постоянно. Некоторые мои коллеги, московские китаисты, говорят, что китайцы сейчас нас использовали в сирийском кризисе, что они сидели на горе и смотрели, как мы с американцами деремся из-за Сирии, и радостно потирали руки. Это не так. На самом деле китайцы вели себя очень активно в теневой дипломатии. Достаточно почитать, например, выступление китайского представителя в Совете Безопасности. Вообще очень интересно читать китайские документы из Нью-Йорка. Например, там все чаще появляется слово «demand». «Мы требуем, требуем, требуем...». Китай сейчас оттачивает свое внешнеполитическое мастерство, правда, действительно позволяя нам идти на шаг впереди.

И этот успех, которого мы вместе достигли сейчас независимо от того, как дальше будут развиваться отношения... Коллега Малашенко действительно прав — неизвестно, что дальше будет. Но тот факт, что мы оказались в выигрышной позиции вместе с китайцами, стоя спина к спине, поддерживая принципиальную позицию, которую мы считали правильной... Мы уже сейчас, сегодня имеем достаточный успех.

И у этого будут очень большие последствия для развития нашего стратегического партнерства как для российской стороны, так и для китайской. Я думаю, у нас в элитах поуменьшится недоверие к Китаю. И в Китае, где сейчас идет очень большая дискуссия... Там есть проамериканские силы в элитах и есть пророссийские силы. Так вот, пророссийских становится больше. С божьей помощью в последующих острых ситуациях, кризисах, если мы с китайцами будем так же стоять спина к спине и отвечать на натиск на Россию с Запада... Скоро мы потеряем Украину геополитически. А китайцы ощущают, что на них все сильнее давят в рамках «поворота на Азию». Неизбежно мы будем подталкиваться друг к другу и все чаще координировать внешнюю политику. Я надеюсь, то, что сейчас произошло по сирийскому кризису, — только начало.

Звягельская. Ирина Звягельская, Институт востоковедения РАН. Я бы хотела немножко порассуждать на тему равенства и умения действовать на равных России с Соединенными Штатами.

В течение очень многих лет я принимала участие в Дартмутской конференции. Вы знаете, это начиналось как совместный советско-американский диалог, потом он стал российско-американским. Так вот, когда он еще был советским и Советский Союз был супердержавой, вопрос о равенстве ставился неоднократно, на что, не выдержав этого, наши американские партнеры в конце концов сказали: «Когда у вас во внутривнутриполитическом плане будет так, как мы считаем нужным, вот тогда и поговорим о равенстве».

Я не хочу сказать, что с тех пор не произошло серьезных изменений. Тем не менее говорить, что наши политические системы совпадают или уж очень похожи друг на друга, мы не можем. Это объективный факт. В таких условиях возможны передачи «Первого канала», которые нацелены вовсе не на вас, не на здесь присутствующих. Мы понимаем, на кого — на ту часть электората, которая вообще не знает, где находится Ближний Восток, но знает, что все гадости, которые случаются на земле, происходят из-за Соединенных Штатов. И их сложное положение, и отсутствие зарплаты — это тоже потому, что нам гадят Соединенные Штаты. Вот, посмотрите, даже поддерживают мировой терроризм. Тут также иллюстрация именно этого, а вовсе не того, что они случайно ошиблись, не дослушали, что сказал Владимир Владимирович, и поторопились выдать это на всеобщее обозрение. Поэтому я считаю, что наши возможности сотрудничества с Соединенными Штатами, назовем это «на равных», возможны в очень узких сферах и по очень конкретным вопросам.

Вот химическое оружие. Никаких возражений ни у кого по большому счету это не вызывает. Конечно, плохо, когда в стране существует химическое оружие, да еще идет гражданская война, и понятно, что оно может попасть в любые руки. Но что будет дальше, когда мы перейдем к решению сирийского вопроса, когда различие в позициях станет более или менее очевидным? Вот тут, думаю, на равных не получится, даже если мы будем очень к этому стремиться, хотя в этом я тоже не уверена.

То же можно сказать и о других случаях. То есть ситуативно могут возникать положения, когда надо действовать на равных, что будет признано. Но это нельзя распространять на какое-то создание нового мирового порядка, новых взаимоотношений, принципиально новых отношений с Соединенными Штатами. Даже если мы этого хотим, реальность не такова.

Сирийский кризис, на мой взгляд, об этом лишний раз свидетельствует. Мы поддерживаем разные силы и по разным причинам. И это очень важно на самом деле.

И последнее, что я хотела бы сказать, — насчет региональных сил. Дело в том, что региональные силы, если мы возьмем, например, Саудовскую Аравию и Иран (разумеется, это не все региональные силы, но очень важные игроки), кризис в Сирии рассматривают как экзистенциальный. И в этом важная причина того, что они именно так себя ведут.

Достаточно процитировать одного саудовского деятеля, который сказал, что эта связка (Иран, Сирия, «Хизбалла»), вообще усиление роли Ирана в Леванте — это аберрация, и, соответственно, с этим надо кончать. Им неважно, что будет говорить Рухани и чем он лучше Ахмадинежада, потому что вот это главное, вот эта конфессиональная составляющая, о которой мы говорим. И это тоже затрудняет нахождение общего языка по сирийскому кризису. Мы не можем без Саудовской Аравии и Ирана, но если мы начнем их подтягивать на первом этапе, все рухнет вообще сразу.

Поэтому как с ними работать, когда их подтягивать к мирному урегулированию — тоже большой вопрос. И очень многое будет зависеть от того, какие у нас к тому времени будут отношения с Соединенными Штатами.

Тренин. Очень краткая ремарка. Мы согласны в том, что если возможно равенство, то в таких очень узких вопросах. Есть равенство качественное, о котором говорила Ирина, — это качество институтов, которые существуют в государствах, и есть равенство количественное. По этому основанию Китай становится все более равным Соединенным Штатам — по совокупной экономической мощи и так далее. У России нет ни того, ни другого, и в обозримой перспективе не будет. Но в каких-то узких вопросах — конечно.

Я думаю, то, что сказала Ирина, очень важно, поскольку поддерживает, наверное, главную мысль, которая, как мне представляется, вырисовывается в ходе нашей дискуссии. Начав с очевидного, с необходимости устранения химического оружия из Сирии, Россия и Соединенные Штаты все более стимулируются самой ситуацией к более тесному сотрудничеству в политической области в Сирии.

Конечно, это сотрудничество на достаточно продвинутом этапе не может быть эксклюзивно российско-американским. У Саудовской Аравии и у Ирана интересы в Сирии гораздо больше, чем у России и Соединенных Штатов. Есть израильский фактор, есть турецкий и масса других факторов.

Но это тоже возможность. Мы говорим о кризисе как возможности. Это возможность начать какой-то диалог, может быть, впервые в области безопасности между такими антагонистами, как саудиты и персы. Это интересная вещь. Кризис в Сирии дает, и мы об этом уже говорили несколько раз, возможность для решения, казалось бы, нерешаемых вопросов. Но тут ситуация, кровь, опасность заставляют действовать там, где раньше предпочитали просто противоборствовать друг с другом без всякого сотрудничества.

Куртов. Аждар Куртов, Российский институт стратегических исследований. Хотел бы поддержать Ирину Доновну, но не буду нарушать традицию, начну со шпилек, которые я люблю вставлять вначале нашим радушным хозяевам.

Мне кажется, мы рано собрались, господа. Что произошло в конце прошлой недели? Приняли два хороших документа Совбезом по запрещению химического оружия. Но вот я слушаю выступающих, наших спикеров, некоторых участвующих в дискуссии. Они понабрались этой отвратительной, с моей точки зрения, манеры наших политических обозревателей, тех самых, которые заполняют полосы газет и телеэкраны, которые любое событие обязательно интерпретируют в духе всемирно-исторического значения.

Нет этого. Давайте поживем и увидим. Правильно говорил Алексей, полтора месяца назад были совершенно другие оценки, совершенно другие прогнозы, совершенно другая ситуация. А разве через неделю-полторы, через полтора месяца эта ситуация не может повториться, и все, что мы сейчас говорим, быстренько забудется? С моей точки зрения (я прошу прощения у Дмитрия Тренина), нет никаких оснований для того, что мои коллеги-юристы называют необходимыми и достаточными условиями, чтобы рассуждать о том, что факт (называйте это как угодно) победы России, согласованных действий с Соединенными Штатами Америки, чтобы мы этот один факт интерпретировали как то, что есть устойчивый тренд или даже тенденция к тому, чтобы от политики империализма перейти к давно забытой политике изоляционизма. Я имею в виду, во внешнеполитической линии Соединенных Штатов.

Равно как и господин Евсеев здесь говорил о том, что у нас есть уникальный шанс улучшить отношения с Соединенными Штатами Америки. Вот эти вещи я слушаю каждый год, про уникальные шансы, которые появляются, если что-то России удастся. Что, у нас кроме Сирии нет проблем в российско-американских отношениях? Часть из них называлась, часть не называлась. Сноуден и далее по списку. Украина... Много можно перечислять.

Нормальная полномасштабная встреча, которая была запланирована в Петербурге, не состоялась. Вот из этого надо, как мне кажется, исходить. Хитрый Алексей Малашенко, который в силу изучаемого им предмета (он в основном Востоком занимается), конечно, понабрался этой восточной хитрости, говорил уклончиво, на перспективу, выражаясь разными словами, обыгрывал то, что так замечательно сказал Омар Хайям: «Мне известно, что мне ничего не известно. Вот последний секрет из достигнутых мной».

Действительно, мы сейчас из этого факта, когда еще даже эмиссары не приехали в Сирию... Что они там будут исполнять за обязанности? Будут искать помещение для жительства, и все. Мы делаем какие-то выводы, перескакиваем много-много этапов, которых может и не быть. И никто, кстати говоря, этого не скрывает ни в американском руководстве, ни в российском. Мне в этой аудитории нескромно напоминать (уместнее было бы коллеге Адамишину об этом говорить), кто определяет российскую внешнюю политику. Не вот эти комиссары в пыльных шлемах, помеси Сократа с Цицероном в нашей Государственной думе и уже тем более на телевидении. У нас совершенно другие люди определяют эту политику. Не надо одно ставить на место другого.

Так что, повторяю, поживем — увидим. Сейчас мы находимся только на самой первой стадии. Да, забрезжила надежда. Но туч-то на горизонте столько, что они могут весь этот горизонт заполнить, и ничего не будет.

То же касается и Ирана. Я больше согласен с нашим бывшим доблестным морпехом, чем с коллегой Евсеевым, который говорил о том, что победе Рухани способствовало сирийское потепление. Да ничего не способствовало. Во-первых, не было тогда этого потепления, в тот момент, когда состоялся тур выборов. Иранцы — это тоже очень хитрые люди, умудренные своими двумя с половиной тысячелетиями цивилизации. Центр Карнеги поразвесил здесь картины, и я за минуту могу понять, каков сюжет, посмотреть, что за персонажи, цветовая гамма не самая яркая. Сравните их с иранскими миниатюрами. Можно долго рассматривать, что они там пытались изобразить своими сюжетами. И то, что говорит сейчас Рухани, что он на сессии Генассамблеи напустил туману... Дорогие мои, вспомните, это свойство иранской политики. При шахе была та же линия: Западу откроем ворота. Потом, при Хаменеи, — другая линия, при Хашеми Рафсанджани и особенно при Хатами — вроде бы опять в эту сторону, при Ахмадинежаде — опять. И сейчас Рухани движется. Шах очень похож на Ахмадинежада. Был стержень — интересы Ирана, и они их продвигали. И напускали такого красивого, «миниатюрного» персидского тумана. Таким образом, тоже никаких особых надежд не возлагайте на иранцев. Это люди хитрые, и они умеют своего достигать, даже в условиях того, что происходило в последние годы.

Малашенко. Аждар, знаешь, ты одну вещь очень неправильно сказал — по поводу того, зачем мы собрались. Понимаешь, мы здесь все-таки рассуждаем в сценарном плане. И мы говорим: «может быть...», «если бы...». И это очень важно. Может быть, мы даже от этого все поумнеем. Это намного интереснее, чем потом комментировать то, что произошло, как было с «арабской весной». Вот она произошла, и через год все всё поняли. По-моему, интереснее как раз поискать варианты. И это делается.

Куртов. Мне кажется, что и через год не поняли. По крайней мере, не все.

Малашенко. Тогда вообще не надо приходить. Ты можешь не приходить больше... Кто у нас следующий? Что-то я больше никого не вижу. Вот Игнатенко молчит. Он обычно выступает... Не хочет.

Воркунова. Ольга Воркунова, ИМЭМО РАН. Я просто хотела акцентировать внимание еще раз на этих тезисах о совершенно новом этапе международных отношений.

То, что работало в 1990-е годы, если мы берем общее стратегическое направление политики США, все-таки оно шло в русле очень давней директивы Рузвельта 1943 г. 520/2. И оно фактически так и конструировало пространство Евразии. Был акцент на расширение НАТО, как бы на сжатие этого пространства. Фактически развитие этого региона шло в тисках.

А сейчас ситуация совершенно изменилась. Главный вызов и главная проблема — это непредсказуемость региона Евразии. Как это будет развиваться и какие необходимо создавать механизмы для того, чтобы как-то обуздать эту непредсказуемость, могут ли работать те механизмы, которые работали на разрешение конфликтов в Европе, вот эти большие механизмы — создание больших, глобальных конференций по безопасности и сотрудничеству? Возможно ли это в перспективе, когда-то позже, лет через пять-десять в Евразии? Возможна ли структуризация евразийского пространства не на основе такого достаточно ограниченного и узкого проекта России, как Евразийский союз? Это все-таки очень локальный, не претендующий на глобальное структурирование евразийского пространства проект.

Здесь очень важно, как будут стратегически разрабатываться механизмы по разрешению огромного количества потенциальных конфликтов в Евразии. И на этом пути возможно сотрудничество глобальных крупных игроков, потому что это общий интерес — безопасность в Евразии.

Тренин. Спасибо большое. Я думаю, что на этом мы могли бы подвести черту. Вы сказали очень важное слово, предложили нам важную концепцию — безопасность в Евразии.

Как видите, здесь мы не приготовили для вас ящичков с шампанским.

Вопрос. Почему же?

Тренин. Нет, там вино, там не шампанское. Легкое вино. Я к тому, что мы собрались не для того, чтобы отпраздновать замечательную победу российской дипломатии над американским империализмом, или совместную победу Соединенных Штатов и России в деле защиты мира и безопасности народов, или решение, наконец, сирийского вопроса. Мы собрались, чтобы сделать несколько вещей. Во-первых, услышать друг друга. Эта площадка существует для того, чтобы мы могли свободно обмениваться мнениями, самыми разными мнениями, самыми отличающимися друг от друга мнениями. Это первое.

Второе, чего мы хотим добиться при помощи этого разговора, при помощи других вещей. Мы все-таки не забываем (мы с Алексеем, в частности, и наши коллеги из Центра), как называется наша организация — Фонд Карнеги за Международный Мир. За международный мир, не просто даже за исследование конфликтов. Мы стремимся изучать максимально объективно то, что происходит в мире. Я могу заверить всех, что у нас нет ни малейших иллюзий относительно того, что мы изучаем, ни с одной стороны, ни с другой, ни с третьей, ни с какой.

Но при всем этом мы изучаем не просто ради изучения, а для того, чтобы попытаться найти возможности для мирного позитивного сотрудничества, прежде всего, конечно, российско-американского. Там, где оно возможно, там, где оно может быть принято обществами и политическими элитами стран, там, где оно может быть развито.

Конечно, мы видим много проблем, которые мешают этому сотрудничеству. Но мы стремимся выдать, насколько это возможно, те элементы, которые могли бы быть положены в основание сотрудничества.

Но российско-американское сотрудничество — это не единственное, чем мы озабочены. Это международный мир, в том числе на Ближнем и Среднем Востоке, в том числе в Европе — во всех странах, которыми мы интересуемся.

Наша задача трудная, сложная и невыполнимая нами. Я думаю, что пока будут существовать люди, проблема мира будет актуальной, потому что будет реальность конфликтов и войн, безусловно. Но есть все-таки примеры того, как некоторые страны в некоторых регионах мира сумели оставить войны в истории. Это тоже реальность. Я бы очень хотел, чтобы Россия присоединилась к той группе стран, между которыми война невозможна в принципе. Вот это наша сверхзадача, если хотите.

А вообще мы очень рады вас всех здесь видеть. Огромное спасибо за участие, за ваши комментарии. Все, что мне было интересно, я записывал. Поверьте, это будет очень полезно для нашей с Алексеем и наших коллег работы. А сейчас мы предлагаем продолжить общение в неформальной обстановке.